

Нет ничего прекраснее воздуха свободы

Алексей Светлаков

Алексей Светлаков

Нет ничего прекраснее воздуха свободы

«Автор»
2025

Светлаков А.

Нет ничего прекраснее воздуха свободы / А. Светлаков — «Автор», 2025

Принцессу Наталину похищают в солнечное утро. Её новая жизнь — золотая клетка в империи Ларгиндии, новое имя и свадьба с нелюбимым принцем. Но надежда умирает последней. Письмо с мольбой о помощи уносит почтовый голубь.Раненую птицу находит Джек — простой муравьин, потерявший смысл жизни после смерти жены. Случайное послание становится для него шансом снова почувствовать себя живым. Начинается опасное путешествие через горы и бури, погони и предательства. А когда прошлое возвращается, вскрываются тайны, способные изменить судьбы всех героев.Это история о свободе, которой нет цены, о любви, не знающей преград, и о семье, которую не отнять. Живые герои, продуманный мир, захватывающий сюжет и трогательный финал ждут вас на страницах этого романа.

© Светлаков А., 2025
© Автор, 2025

Содержание

Эпиграф 5
Пролог 5
Глава 1. Таинственное исчезновение 6
Глава 2. Слёзы и надежда 8
Глава 3. Флорина 11
Глава 4. Крылатый вестник 13
Глава 5. Послание из бури 15
Глава 6. Золотая клетка 18
Глава 7. Томительное ожидание 21
Глава 8. Родник жизни 23
Глава 9. Посланник судьбы 26
Глава 10. Последняя надежда 29
Глава 11. Утреннее послание 32
Глава 12. Навстречу судьбе 35
Конец ознакомительного фрагмента. 36

Нет ничего прекраснее воздуха свободы

Эпиграф

Бывает, жизнь теряет яркость красок, которыми мы ещё недавно восхищались. Горизонт надежд тускнеет, превращаясь в привычную серую рутину. Сквозь неё уже не может пробиться луч света, что указал бы дорогу в новый мир – мир животворящего воздуха свободы. Свободы, что даёт силы жить и творить, озаряясь ослепительными вспышками новых идей.

Пролог

– Пап! Пап, держись! – Джек упал рядом на колени, разрывая рубаху, чтобы перевязать рану. Руки его дрожали так сильно, что он с трудом справлялся с тканью. – Ты слышишь меня? Держись! Не смей умирать, слышишь?

Старик открыл глаза. Лицо его было бледным, как снег, но в глазах всё ещё теплилась жизнь. Он с трудом повернул голову и посмотрел на Инию, которая сидела рядом, зажимая рот ладонью, чтобы не закричать.

– Жив… ещё, – прохрипел он. – Не плачь… сынок. Пустяки… Главное, что я её увидел.

Он протянул дрожащую руку к Инии. Та, не в силах больше сдерживаться, схватила его ладонь и прижала к своей щеке. Слёзы хлынули из её глаз, падая на его окровавленные пальцы.

– Папа… – выдохнула она. – Папочка, прости меня… я не помнила… я не знала…

– Тише, тише, доченька, – прошептал старик, и на его морщинистом лице появилась улыбка – самая счастливая за последние двадцать лет. – Главное… что ты жива… что я тебя нашёл… Теперь можно и…

– Нет! – закричала Иния, сжимая его руку. – Не смей! Ты слышишь? Не смей умирать! Я только что нашла тебя! Мы ещё не наговорились! Ты мне ещё не рассказал… про маму… про детство… про всё!

– Расскажу, – голос старика стал слабее, но улыбка не исчезала. – Обязательно… расскажу. Только… дайте старику передохнуть… немного…

Джек, не слушая их, лихорадочно перевязывал рану, но кровь всё сочилась, пропитывая ткань. Он чувствовал, как силы оставляют отца, и от этого внутри закипали ярость и бессилие.

—

Глава 1. Таинственное исчезновение

Резкий порыв ветра нарушил привычную тишину, царившую среди неподвижных листьев. С нарастающим шелестом вихрь крепчал, поднимая ввысь сонные листочки, кружа их в обезумевшем, стремительном вальсе, удерживаемых цепкими руками налетевшего кавалера. Но после недолгих головокружительных туров всё стихло так же внезапно, как и началось. Кавалер исчез, и разочарованные листочки медленно и уныло опускались на ухабистую дорогу, укрываясь тонким одеялом оседающей пыли.

На краю дороги, у торчащего подгнившего столба, лежала серая табличка. Сквозь тусклую вуаль пыли на её поверхности проступали тёмные буквы: Ларгиндия.

Так назывался огромный муравейник, располагавшийся на восточной стороне муравьиного континента. Весь континент был покрыт подобными городами-государствами, каждое из которых являлось независимым королевством или империей. Это были не жилища насекомых, а настоящие поселения с домами и дорогами, библиотеками и больницами, лавками и трактирами. Здесь жили муравьины – существа, очень похожие на людей, но с одной важной особенностью: на их головах росли усики. У муравушек – маленькие и изящные, у муравьинов – покрупнее, а у самых старых и мудрых они ветвились, подобно оленьим рогам.

Империя Ларгиндия состояла из больших и малых поселений, окружавших императорский дворец. Он величественно возвышался на берегу живописного озера, простиравшегося до подножия Карагонских гор. Каменные исполины упирались в самые облака, за которыми лежала бескрайняя бирюзовая гладь моря. Империя была названа в честь своего правителя – Ларгина Быстроногого, который горячо любил свои владения и, как подобает истинному императору, неустанно заботился об их процветании. В небытие ушли кровопролитные конфликты и войны, когда орды бесстрашных муравьинов-солдат осаждали соседние муравейники.

Теперь на смену междоусобицам пришло мирное сосуществование. Муравейники оживали и богатели. Однако не всё было гладко в новой жизни – тоска по былой славе и баталиям всё ещё тлела в сердцах некоторых муравьинов. Ларгин принадлежал к их числу. Мир казался ему пресным, словно варёная трава без соли. Он ловил себя на том, что часами разглядывает старые карты военных походов, водит пальцем по исчезнувшим границам и вздыхает. Дворцовые интриги и пополнение коллекции иноземных красавиц были единственным, что ещё щекотало нервы, напоминая о тех временах, когда каждое решение могло стоить жизни.

Именно поэтому, когда Ларгину донесли, что в далёкой Цвилиндарии живёт необыкновенно красивая принцесса Наталина, затмевающая всех его многочисленных наложниц, его сердце учащённо забилось. Коллекция была его слабостью, его способом заполнить ту самую пустоту, что оставили после себя войны. Мысль заполучить такую жемчужину не давала ему покоя, разгораясь в груди жарким, лихорадочным огнём.

—

Наталина обожала приходить к озеру ранним утром, чтобы встретить рассвет. Её завораживала золотистая дорожка, мерцающая на воде, – она казалась не просто отражением солнца, а настоящей тропой, вымощенной расплавленным янтарём. Иногда ей грезилось, что стоит ступить на неё – и она попадёт в сказочную страну, где встретит прекрасного принца на белом коне.

В то утро она неспешно кружила по песчаному берегу, словно вальсируя на королевском балу. Она плавно взмахивала руками, а босые ноги рисовали замысловатый орнамент на влажном песке, оставляя после каждого па тонкий, изящный след. Звонкий смех принцессы отражался эхом от зеленеющей опушки леса, пробуждая природу, и в ответ ей звучал щебет лесных птиц. Сердце Наталины было полно музыки и поэзии. Она ощущала себя невесомой, будто превратилась в бабочку, и ей казалось, что вот-вот она взлетит. От этой мысли у неё

закружилась голова, ноги подкосились, и в следующий миг она уже лежала на песке, глядя в просыпающееся небо.

Но что-то тяжёлое и шершавое сдавило её со спины. Рот залепила грубая, пахнущая смолой ладонь. Стало темно и тесно, будто она оказалась в узком мешке. Она попыталась пошевелиться, брыкнуть ногой, но её спеленали, как куколку. От испуга и непонимания Наталина попробовала закричать, однако из её уст вырвался лишь слабый, бессильный стон, заглушённый тканью мешка. Последнее, что она увидела перед тем, как потерять сознание от удушья и ужаса, – это свои собственные узоры на песке, которые ветер уже начинал безжалостно стирать.

—

Перед дворцом царило утреннее оживление. Придворные слуги суетились вокруг накрытых столов, а королевская семья неспешно прогуливалась по лужайке. Взрослые муравьины обсуждали политику и биржевые сводки, молодые муравушки перешёптывались и смеялись, а резвящиеся муравьята носились вокруг старого толстого муравьина, который, развалившись в плетёном кресле, громко храпел.

Вскоре всё семейство собралось за столом, ожидая, когда юная Наталина, как обычно, произнесёт утреннюю молитву. Но на этот раз её не было.

– Наверное, задержалась во дворе, рисует свои круги на песке, – предположила королева с лёгкой улыбкой, и молитву поручили её брату.

Завтрак прошёл спокойно, но когда трапеза закончилась, а принцесса так и не появилась, король нахмурился. Он вызвал начальника охраны и приказал немедленно выяснить, где его дочь.

Уже через полчаса взволнованный офицер докладывал монарху: Наталину нигде не могли найти. Ни в её покоях, ни в саду, ни в библиотеке.

В тот же день слуги и стража прочесали все окрестности дворца. Плавцы-муравьины обследовали озеро, ныряя в его глубины, а отряды следопытов отправились в глубь леса. Но всё было тщетно. Единственным напоминанием о принцессе остались лишь таинственные узоры на песке у самой кромки воды – и сбитая трава, словно здесь волокли что-то тяжёлое.

Король и королева не находили себе места от тревоги. Королева до поздней ночи просидела у окна в башне, вглядываясь в темнеющий горизонт, надеясь увидеть спешащую домой дочь. Король же, стиснув зубы, отдал приказ обыскать каждый уголок в радиусе десяти миль.

Прошли дни, затем месяцы… но о Наталине не было ни слуху ни духу. И лишь ветер на рассвете по-прежнему гулял по пустынному берегу, занося песком последние следы той, кого здесь так ждали.

—

Глава 2. Слёзы и надежда

Разноцветные солнечные зайчики весело прыгали по потолку, отражаясь от бурлящих струй фонтана за окном. Наталина неподвижно лежала на спине, ещё не до конца пробудившись ото сна, и лениво наблюдала за этой игрой света. На мгновение ей показалось, что она снова дома, в своей спальне в Цвилиндарии, что сейчас войдёт мама, поцелует в лоб и скажет: «Просыпайся, соня, день уже на дворе».

Но постепенно сознание прояснялось, возвращая обрывки недавних событий. Чужие руки, грубая ткань мешка, запах сырой земли и страха. И эта комната – роскошная, но чужая, пропитанная чужими запахами, чужой жизнью.

Память вернулась ударом – таким болезненным, что Наталина застонала и зажмурилась, пытаясь спрятаться от реальности. Не получилось. Тогда она заплакала – тихо, беззвучно, уткнувшись лицом в подушку, чтобы никто не слышал. Слёзы текли сами собой, и она даже не пыталась их остановить. Что теперь с ней будет? Увидит ли она когда-нибудь родителей? Или так и сгинет в этом чужом, враждебном мире?

Вдруг она почувствовала нежное прикосновение к плечу. Тёплая ладонь легла на её вздрагивающую спину. На мгновение сердце Наталины подпрыгнуло от надежды – мама! Но тут же разум отрезвил: мама далеко, мама не знает, где её дочь.

– Не плачь, – произнёс тихий, мягкий голос. – Всё будет хорошо. Я обещаю.

Наталина резко отодвинулась, вжимаясь в спинку кровати, и только потом подняла глаза.

На краю постели сидела молодая муравушка. Большие чёрные глаза смотрели с такой добротой и пониманием, что Наталина на мгновение растерялась. Тёмные волнистые волосы рассыпались по плечам, обрамляя бледное, тонкое лицо. Незнакомка была одета в золотистое платье, украшенное красными и зелёными узорами – дорогая ткань, искусная вышивка, но без той вызывающей роскоши, что бросалась в глаза у других обитательниц дворца.

– Не бойся, я тебя не обижу, – снова заговорила муравушка, и в голосе её звучала такая искренняя теплота, что Наталина невольно расслабилась. – Меня зовут Иния.

Наталина молча разглядывала её, пытаясь понять, можно ли доверять этой красивой незнакомке. Иния не отводила взгляда, не улыбалась дежурно-приторно, как придворные дамы в её родном дворце. Она просто смотрела – и в этом взгляде читалось что-то… родное? Понимающее?

– Где я? – наконец выдавила Наталина, и голос её прозвучал хрипло, чужим голосом.

– Во дворце императора Ларгина, – спокойно ответила Иния. – В Ларгиндии. Тебя привезли сюда… против твоей воли. Я знаю это. Я знаю, каково это – оказаться здесь, когда не хочешь.

Последние слова она произнесла с такой горечью, что Наталина невольно прислушалась.

– Ты тоже…?

– Да. – Иния кивнула. – Меня привезли сюда маленькой. Я не помню своих родителей, не помню своего дома. Только этот дворец. Так что я понимаю тебя лучше, чем ты думаешь.

Она протянула руку и осторожно коснулась ладони Наталины.

– Но ты не одна. Я буду с тобой. Помогать, чем смогу. Обещаю.

Наталина смотрела на неё, и в груди медленно разгорался крохотный огонёк надежды. Может быть, не всё потеряно? Может быть, у неё есть союзница в этом чужом мире?

– А что они хотят от меня? – спросила она тихо.

Иния отвела взгляд, и Наталина поняла: ответ ей не понравится.

– Император… он коллекционирует красавиц. Со всего континента. Ты должна стать частью его коллекции. Но… – она помедлила, – кажется, у него на тебя особые планы. Он хочет выдать тебя за своего сына, принца Оскара.

Наталина похолодела. Замуж? За чужого, незнакомого муравьина? В этой золотой клетке?

– Нет… – выдохнула она. – Я не хочу. Я не могу. У меня есть дом, семья, родители…

– Я знаю. – Иния сжала её руку. – Знаю. И мы что-нибудь придумаем. Обещаю. Но сейчас тебе нужно поесть и отдохнуть. У тебя будет время подумать. А пока – доверься мне.

Она указала на столик у кровати, где стояло блюдо с фруктами и графин с водой. Наталина только сейчас заметила, как сильно хочет пить. Она потянулась к графину, налила воды в хрустальный стакан и жадно выпила, не чувствуя вкуса.

– Спасибо, – прошептала она, ставя стакан.

– Не за что. – Иния встала. – Отдыхай. Я приду позже. Если что-то понадобится – позови служанку, она передаст мне.

Она направилась к двери, но на пороге остановилась и обернулась.

– Наталина… помни: ты не одна. Здесь, в этом дворце, есть те, кто понимает тебя. И я сделаю всё, чтобы тебе помочь.

Дверь закрылась, и Наталина осталась одна. Она снова легла, глядя в потолок, по которому всё так же плясали солнечные зайчики. Но теперь они не казались ей весёлыми. Они плясали на стенах её тюрьмы – пусть и золотой, но тюрьмы.

Мысли о доме нахлынули с новой силой. Она представила маму, сидящую у окна в башне и вглядывающуюся в горизонт. Папу, который, наверное, с ног сбился в поисках. Брата, который всегда дразнил её, но втайне обожал.

«Я вернусь, – сказала она себе. – Я обязательно вернусь. Что бы мне это ни стоило».

И впервые за всё время в её глазах зажглась не тоска, а решимость.

—

В последующие дни Иния стала для Наталины не просто наставницей, а настоящей подругой. Она рассказывала о дворце, о его обитателях, об императоре и его причудах. Учила, как вести себя, чтобы не навлечь гнев, как улыбаться, когда хочется плакать, как выживать в этом мире интриг и лжи.

– Изабелла, фаворитка императора, – говорила Иния вполголоса, когда они оставались одни, – она опасна. Она сделает всё, чтобы угодить Ларгину. Не доверяй ей, что бы она ни говорила. У неё свои планы.

– А принц? – спросила как-то Наталина. – Оскар? Какой он?

Иния отвела взгляд, и на щеках её выступил лёгкий румянец. Наталина поняла всё без слов.

– Ты любишь его, – сказала она тихо.

– Да, – так же тихо ответила Иния. – А он любит меня. Но его отец… Ларгин хочет женить сына на тебе. А меня… меня он хочет оставить себе.

Наталина почувствовала, как сердце сжалось от боли за подругу. Она знала, что такое любить и быть разлучённой с любимым. И хотя она никогда не видела Оскара, в эту минуту она возненавидела его – не лично его, а саму ситуацию, в которой все они оказались заложниками чужой воли.

– Я не выйду за него, – твёрдо сказала она. – Я лучше умру, чем выйду за того, кто любит другую. И заставлю страдать тебя.

– Тише! – Иния испуганно оглянулась на дверь. – Не говори так громко. Стены здесь имеют уши.

– Пусть слышат. – Наталина сжала кулаки. – Я не ваша, я не их. Я – Наталина из Цвилиндарии, и я хочу домой.

Иния посмотрела на неё с уважением.

– Ты сильнее, чем кажешься, – сказала она. – Это хорошо. Это поможет нам.

– Нам? – переспросила Наталина.

– Нам. Потому что если ты хочешь домой, я помогу тебе. А если я помогу тебе, может быть… может быть, и у меня появится шанс на счастье.

Они посмотрели друг на друга, и в этом взгляде было всё: надежда, страх, решимость и обещание.

– Договорились, – сказала Наталина. – Вместе.

– Вместе, – эхом отозвалась Иния.

За окном догорал закат, окрашивая небо в багровые тона. Где-то вдалеке кричали птицы, и ветер доносил запах озера и цветущих садов. Наталина смотрела на этот закат и думала о том, что где-то там, за горизонтом, её ждут. И она вернётся. Обязательно вернётся.

А пока у неё была подруга. И это было уже много.

--

Глава 3. Флорина

Птичка была в клетке. Император с нетерпением ждал встречи с новой муравушкой, и во дворце только и говорили о ней, а любопытство разгоралось с каждым днём. Вскоре должен был состояться грандиозный праздник в честь дня рождения Ларгина, и виновник торжества жаждал поразить гостей.

На торжество съехались семьи правителей соседних муравейников. Их ждало уникальное зрелище: Ларгин собирался представить свою знаменитую коллекцию красавиц-муравушек со всего континента.

Ларгин Быстроногий – и неудивительно, что его так называли – в свои пятьдесят лет выглядел моложаво. Его энергии позавидовал бы любой юнец. Он постоянно находился в движении, а новые идеи не давали ему покоя. Это был самодостаточный, прагматичный и жизнерадостный правитель. Его дворец ломился от богатства и изящества: редкие картины, восхитительная коллекция бабочек, огромная библиотека, обширные конные заводы… Проще было сказать, чего у него не было. Но самым дорогим сокровищем оставалась коллекция красавиц-муравушек. Их было так много, что до гарема царя Соломона не хватало всего нескольких десятков.

Приглашённые гости считали за честь побывать на празднике у императора Ларгина. Впечатления от увиденного должны были будоражить умы ещё очень долго.

Как только все собрались в тронном зале, торжество началось. Праздник открыла отдалённая мелодия флейты. Её нежное соло постепенно переросло в многоголосое пение, заполнившее пространство и создавшее атмосферу изысканного предвкушения. Звук был столь проникновенным, что гости невольно искали глазами его источник. Музыка лилась отовсюду, наполняя зал поэзией и вдохновением. Даже холодные своды дворца, казалось, отогрелись от вековой спячки, явив миру яркие краски своего восхитительного убранства.

Словно бабочка, распахивающая крылья, плавно раздвинулись массивные золочёные двери зала. Через них неспешной вереницей вплыли живые ручейки юных муравушек, облачённых в изысканные наряды. Каждая блистала своей неповторимой красотой, вызывая восторженные вздохи. За их спинами колыхались разноцветные полупрозрачные крылья. Муравушки были так грациозны, так напоминали настоящих бабочек, что не оставалось сомнений – они парят над мраморным полом. Это было фантастическое зрелище.

Наталина тоже находилась в зале, неподалёку от императора. В отличие от подруг по несчастью, у неё не было крыльев за спиной, но её наряд ни в чём не уступал другим. И всё же именно её красота, без сомнения, тронула всех. Она была прекрасна. Наталину представили как племянницу императора по имени Флорина. Так для неё началась новая жизнь. Быстроногий намеревался выдать её замуж за своего сына, наследного принца Оскара.

После показа муравушек в костюмах бабочек гости прошли в банкетный зал, где их ждали роскошные угощения.

Пиршество сменилось фейерверком, озарившим ночное небо во дворе, а затем – оживлённым дворцовым балом.

Торжество длилось до глубокой ночи, после чего уставшие гости в сопровождении слуг разбрелись по заранее приготовленным покоям.

Наталину, теперь уже Флорину, в качестве будущей невесты стали готовить к свадьбе. А чтобы сделать её сговорчивее, ей разрешили отправить письмо домой.

—

Никто из гостей и не догадывался, что среди придворных дам, прислуживающих новоявленной «племяннице», есть та, чья история могла бы растрогать до слёз даже видавших виды сказителей. Иния не была муравушкой знатного рода, попавшей во дворец по воле случая.

Её привезли сюда маленькой девочкой много лет назад – одну из многих, кого отряды Ларгина отлавливали по всему континенту для пополнения коллекции или обучения в дворцовых службах.

Она смутно помнила тот день: крики, чьи-то сильные руки, вырывающие её из родного дома, запах дыма и бесконечную дорогу в повозке. Потом был приют при дворце – холодные стены, строгие наставницы и десятки таких же перепуганных девчонок, которых учили молчать, прислуживать и улыбаться. Изабелла, правая рука императора, частенько наведывалась в приют, присматриваясь к самым смышлёным и красивым воспитанницам. Инию она заметила сразу – за тихий нрав, цепкий ум и ту особую стать, что отличает будущую красавицу.

– Твоих родителей больше нет, – сказала ей тогда Изабелла, присаживаясь на корточки перед семилетней девочкой. – Но ты можешь стать здесь своей. Если будешь послушной.

Иния не помнила родителей. Образ матери стёрся, оставив лишь смутное ощущение тепла и запах свежеиспечённого хлеба. Поэтому слова Изабеллы упали в пустоту – не по чему было горевать. Она кивнула и с тех пор старательно училась всему, чему её обучали: этикету, языкам, игре на арфе, искусству вести беседу и, что важнее, искусству молчать и наблюдать.

Годы шли. Из угловатого подростка Иния превратилась в одну из самых красивых муравушек дворца. Изабелла не ошиблась в выборе. Но девочка, выросшая в приюте, не стала безвольной куклой. Она научилась выживать, лавировать между дворцовыми интригами и, главное, – слушать и запоминать. Именно поэтому, когда во дворце появилась новая пленница – напуганная принцесса Наталина, – выбор наставницы пал на Инию. Кто лучше неё знал, каково это – оказаться вырванной из привычной жизни и брошенной в золочёную клетку?

С первых минут знакомства Наталина ощутила в наставнице родственную душу. В Инии не было той холодной, надменной жестокости, которой отличались прочие приближённые императора. Была тихая грусть и понимание. Это дало пленнице слабую надежду, что у неё всё же есть шанс вырваться на свободу.

Иния была прекрасна, и её красотой не мог не восхищаться сын Ларгина, Оскар. При любой возможности он пытался с ней заговорить. Но Ларгин, видя привязанность сына, всячески мешал их общению. У Быстроногого были на Инию свои планы, а для наследника он уже подыскал пару – Наталину. Однако и Иния питала глубокие чувства к Оскару, но тщательно их скрывала, замечая раздражение императора при их случайных встречах. Слишком хорошо она знала, что происходит с теми, кто перечит воле Ларгина. Она видела это не раз.

Шла уже вторая неделя заточения Наталины. Каждый раз, оставаясь в одиночестве, она чувствовала, как к горлу подступает тоска. Мысли о доме, о родителях и близких не давали покоя. Как-то раз Наталина попросила Инию напомнить императору, что ей бы хотелось известить родителей, что с ней всё хорошо.

—

Глава 4. Крылатый вестник

Вокруг царила роскошь. Особенно дневное великолепие дворца восхищало своей неповторимостью. Бело-голубые мраморные стены светились бирюзовыми отблесками и золотыми переливами под ярким солнцем. Ослепительное сияние, сходившее с замысловато изогнутой кровли, наполняло покои фантастическим светом. Отражённые блики от бурлящих струй фонтана игриво разлетались по всей площади, превращаясь в светящуюся карусель из прыгающих зайчиков, бодро скачущих по стенам и окнам дворцового фасада. За этой игрой света можно было наблюдать бесконечно.

Прошло уже около двух месяцев, с тех пор, как Наталина сменила место жительства не по своей воле. Слёзы больше не текли по её щекам: она постепенно привыкла и смирилась со своим положением. Принцесса оставила попытки вырваться на свободу. Птичка в золотой клетке – так теперь можно было назвать её жизнь.

Она свыклась с новым именем, с окружающими муравушками и даже научилась покорно выполнять указания наставницы. Тоска и бунтарские порывы остались в прошлом – ей пришлось учиться жить по-новому. Но где-то в самой глубине души, куда не доставали ни лучи дворцового солнца, ни ласковые слова Инии, тлел крохотный уголёк надежды. Иногда по ночам она касалась его, боясь обжечься, но и не в силах погасить совсем.

– Флорина, привет! – весело произнесла Иния, входя в покои принцессы. В руках она бережно несла нечто, прикрытое тонкой тканью. – Посмотри, что я тебе принесла. Как и обещал наш император.

Наталина медленно оторвала лицо от влажной от слёз подушки и подняла голову. Ещё не освободившись от тоскливых мыслей, она с трудом разглядела наставницу, стоящую перед ней.

– Что ты, моя милая, опять грустные мысли мучают? Вставай же, смотри, кого я для тебя принесла. – Иния сдёрнула ткань, и взору Наталины предстала позолоченная клетка, а в ней – серебристый почтовый голубь с удивительно умными, блестящими глазами-бусинками. – Теперь ты сможешь отправить весточку своей семье, – улыбнулась Иния. – Но прежде тебе нужно приручить его, чтобы он запомнил обратный путь. Кормить будешь только сама, разговаривать с ним. Он должен знать, что здесь его дом, – предупредила наставница.

Мысль о том, что родители наконец узнают, где она, сжала сердце Наталины тугой, сладкой болью. И где-то в глубине души повеяло воздухом свободы – так пахнет дальняя дорога, когда стоишь на пороге, ещё не зная, выйдешь ли.

Иния неотлучно сопровождала Наталину с тех пор, как муравушка появилась во дворце. Несмотря на то что принцесса быстро освоилась – познакомилась со всеми обитателями, усвоила распорядок дня и местные правила, вжилась в отведённую роль, – тоска по дому не отпускала её. Иния это понимала лучше других. Она сама когда-то была такой же пленницей, только намного младше.

Голубь стал для Наталины самым дорогим существом в этом чужом месте. Она часто выпускала его полетать, подолгу наблюдая из окна за его свободным парением. С замиранием сердца следила, как он нарезает круги над дворцовыми башнями, как его не держат ни стены, ни стража, ни императорские указы. А потом он возвращался, важно вышагивая по подоконнику и гулко воркуя, будто хвастаясь своими воздушными приключениями. В такие моменты Наталина звонко смеялась – так искренне и по-детски, что даже муравушки, копошившиеся под окном, казалось, начинали улыбаться. Теперь её надежда на свободу зависела от этого пернатого посланника. Она проводила с ним каждую свободную минуту, кормила с руки, тихо разговаривала, будто он мог понять её слова.

И наконец настал день, когда ей разрешили написать письмо и отправить его с крылатым вестником.

Наталина долго сидела над листком тонкой бумаги. Волнение вставало в горле комом, рука дрожала. Что написать? Где она? Как объяснить? Она закусила губу и вывела первое слово. Потом второе. Письмо вышло коротким, но отчаянным – крик души, запертой в клетке:

«Меня зовут Наталина. Меня похитили и хотят насильно выдать за принца Ларгиндии. Передайте королю Цвилиндарии: его дочь жива. Тот, кто доставит это послание, получит щедрую награду. Спасите меня – от вас зависит моя судьба».

Она перечитала написанное. Слишком мало, слишком сухо для той бури, что рвёт грудь. Но других слов не было. Она свернула бумажку в тонкую трубочку, перевязала шёлковой нитью. Последний поцелуй в перья – и она выпустила голубя в небо, следя, как его силуэт растворяется в дымке рассвета.

Сердце Наталины бешено колотилось, будто вот-вот вырвется из груди и устремится вслед за улетающим вестником. Этот миг стал для неё самым счастливым и волнительным с тех пор, как она оказалась во дворце императора Ларгина. Впервые за долгое время у неё появилась реальная надежда – шанс вырваться из заточения, вернуться домой, к родителям, в привычный мир.

Голубь плавно скользил в воздушном потоке, изредка оглядываясь на оставленный позади дворец. Он ещё видел принцессу, стоящую у окна, – белую фигурку на фоне золотых стен. Ему так хотелось вернуться, походить по подоконнику, получить порцию вкусных семян, дать себя погладить по головке… Но работа есть работа. Почтовый голубь выполнял своё предназначение – доставку письма. Конечно, место адресата для него было неизвестно, но принцесса искренне надеялась, что любовь, вложенная в это пернатое существо, подскажет дорогу.

Тёплый воздушный поток ласково гладил голубиные перья, словно невидимая рука проводила по мягкому серебристому оперенью. Птица наслаждалась полётом, то спокойно паря, то заходя на стремительный вираж, то пикируя вниз. Не зря голубятники могли часами наблюдать за воздушными играми своих питомцев.

С высоты открывалась безбрежная картина: яркие, контрастные края пейзажа, массивы лесов и полей заставляли любоваться этим чудом. Где-то далеко внизу муравьиные тропы вились между холмов, по дорогам ползли крошечные повозки, и вся эта суета казалась такой далёкой и неважной.

Птичье спокойствие неожиданно нарушил резкий, хлёсткий свист, пронёсшийся совсем рядом. Голубь шарахнулся в сторону и в тот же миг ощутил обжигающую боль в правом крыле. Мир кувыркнулся, перья разлетелись по сторонам. Полёт превратился в хаотичное барахтанье, уводящее его от намеченного курса. Он изо всех сил старался удержать высоту и направление, но тут, как назло, налетел сильный порыв ветра, подхватил подбитую птицу и понёс, закручивая в воздушной воронке. Ему ничего не оставалось, кроме как отдаться на волю стихии.

Бедную обессиленную птицу крутило и швыряло из стороны в сторону, словно щепку в горном потоке. Ураган усиливался: мощные раскаты грома и яркие вспышки молний сотрясали воздух. Дождь хлестал по бокам, тяжелил перья, заливал глаза. Голубь уже не мог сопротивляться – он лишь беспомощно кувыркался в вихре, то взмывая вверх, то стремительно падая вниз, теряя последние силы и надежду.

—

Глава 5. Послание из бури

В непроглядной, холодеющей тьме бушевала стихия. Вспышки ослепительных молний на миг озаряли расплывчатые силуэты вековых сосен, стоящих под потоками бесконечного ливня. Под вой разъярённого ветра эхом расходились оглушительные раскаты грома, сливаясь с пронзительным треском ломающихся ветвей. Природа сошла с ума, и в этой обезумевшей круговерти, казалось, не было спасения ни для кого.

В водовороте сорванных листьев и хвои отчаянно бился мокрый, слипшийся комочек перьев, лишь отдалённо напоминавший птицу. Силы оставили его, крылья больше не слушались – правое, простреленное, висело плетью, левое лишь беспомощно трепетало, не в силах удержать в воздухе тяжелеющее от воды тело. Голубь падал, смирившись с неизбежным концом. Сознание угасало, унося с собой последние образы: золотая клетка, нежные руки принцессы, зёрна на ладони…

Но в самом центре его маленького тельца всё ещё теплилась жизнь, отказываясь угасать.

И вдруг… о чудо! Сквозь пелену дождя и тьмы, в разрыве туч, птица заметила маленький, тусклый огонёк. Жёлтое тёплое пятно в абсолютной черноте – искра надежды, луч спасения. Он придал голубю новые, неведомые силы. Собрав последние остатки воли, встрепенувшийся посланник рванулся к свету, преодолевая яростный натиск бури одним последним, отчаянным усилием.

—

На горе, вцепившись в неё корнями, стоял дом. Неказистый, круглый, похожий на скорлупу гигантского ореха, но с окнами, в которых горел спасительный свет. Именно туда, к одинокому огоньку, и направился измученный пернатый курьер.

Удар о стекло получился глухим и отчаянным. Голубь заскрёб коготками по раме, забил крыльями – раз, другой, третий. Стекло дрожало, но не поддавалось. Силы оставляли птицу, когда внутри дома послышался шум шагов, и створка вдруг распахнулась.

Непрошеного гостя, подхваченного порывом ветра, кувырком швырнуло в дальний угол комнаты, где он и замер без движения, распластавшись на полу мокрой тряпочкой. В тот же миг окно захлопнул подоспевший муравьин, чертыхнувшись сквозь зубы и вытирая рукавом залитое дождём лицо.

Стало тихо. Лишь вспышки молний беззвучно отражались на мокром стекле, да ветер выл за стеной, обиженный, что упустил добычу. Хозяин дома огляделся и заметил в темноте бесформенную кучку перьев у стены. Он подошёл, осторожно, двумя ладонями, поднял птицу. Та была холодная, мокрая, но живая – он чувствовал, как под перьями часто-часто бьётся крошечное сердце. Муравьин уложил её на стол и принялся бережно обтирать промокшие крылья сухим полотенцем.

– Бедная ты моя… Чуть не погибла, – бормотал он, орудуя тряпицей. – Как же тебя угораздило лететь в такую погоду? Где ж твой дом, малец?

Голубь в знак благодарности слабо шевельнул головой и склонил её на ладонь спасителя. Вытирая тонкие лапки птицы, муравьин заметил крохотный, почти невесомый свёрток, привязанный к ноге. Сердце его ёкнуло – неспроста это. В такую бурю почтовых голубей не гоняют. Аккуратно, боясь повредить мокрую бумагу, он развязал послание и развернул промокший, расползшийся по краям клочок.

Чернила расплылись, большая часть букв превратилась в бесформенные синие пятна. Но кое-что всё же угадывалось. Он поднёс записку к свече, щурясь и вглядываясь в разводы:

«…лина… похищена… рин… аргиндии… передай… Цвили… Помо… йста…»

– Цвилиндария… – медленно, по слогам, прочитал муравьин. – Похищена…

Он ещё раз взглянул на голубя. Тот уже не дрожал, прикрыл глаза, убаюканный теплом и сухостью.

– Ну, дружище, – тихо сказал муравьин, – похоже, ты принёс не просто письмо. Ты принёс чью-то беду.

—

Громкий стук топоров и визг пил разносился по лесной делянке. С грохотом падали подкошенные вековые деревья, а вокруг них суетились муравьины, ловко отсекая ветки от могучих стволов. Мощные лошади-тяжеловозы выволакивали на равнину очищенные брёвна, а подбежавшие работяги закатывали их в штабеля.

Солнце клонилось к закату, и над массивом торчащих пней разнёсся металлический звон – сигнал об окончании рабочего дня. Была пятница, и муравьины собирались домой. Впереди – выходные: встреча с семьёй, прогулки, муравьиная ярмарка.

Жители Благосбурга всегда устраивали себе праздник в эти дни: концерты, спортивные состязания, лотереи, конкурсы, катания на лошадях и многое другое. На веселье собирались и стар и млад. Торговые ряды ломились от изобилия товаров – здесь можно было купить всё что угодно.

Муравьин по имени Джек поднялся по крутому склону холма и, пройдя через террасу, вошёл в просторную прихожую. Он был дома. Его встретила небольшая лохматая псина, весело подпрыгивающая на задних лапах.

– Пицца! Пицца! Ах ты, мой милый пушистик, как я по тебе соскучился! – Джек потрепал собачку за ухом, чувствуя, как напряжение рабочей недели отпускает его. – Папа принёс твоё любимое лакомство.

Он протянул собаке коробку с пиццей – с беконом, её любимую. Пицца тут же забыла о хозяине и принялась за еду, довольно повизгивая и стуча хвостом по полу.

Из столовой вышел пожилой муравьин. Взгляд у него был усталый, но тёплый.

– Джек, ты её слишком балуешь, – покачал головой старик, наблюдая за этой сценой. – Каждую пятницу она сходит с ума в ожидании этого угощения. Скоро отказываться будет от обычной еды.

– Привет, пап. Как дела? – спросил Джек, снимая рабочую куртку и вешая её на крючок у двери.

– Всё в порядке. А у тебя как, сынок? – старик вздохнул, помедлил, но всё же решился: – Опять будешь смотреть на её фотографию? Может, хватит убиваться? Прошёл уже год, как Мирабелла ушла… Её не вернёшь. Надо жить дальше, ты ещё молод. Встретишь новое счастье. Вон Сюзанна с ярмарки на тебя заглядывается…

– Знаю, пап… Но не сейчас. Мне ещё нужно время, – Джек потёр переносицу, прогоняя подступившую боль. – Тяжело её забыть… Прости.

И, не дожидаясь ответа, он поднялся по крутой лестнице на второй этаж. Старик проводил его взглядом, покачал головой и вернулся к своим делам.

Полчаса спустя Джек спустился в столовую, переодетый в домашнее, но всё такой же хмурый. За столом сидел его отец, сосредоточенно склонившийся над чем-то. Со спины не было видно, чем именно он занят. Напротив, на диване, лежала сытая и довольная Пицца и лениво наблюдала за стариком.

Собака первая заметила Джека и тут же бросилась ему под ноги, подпрыгивая, чтобы лизнуть хозяину руки.

– Пицца, Пицца, моя хорошая! – невольно рассмеялся Джек, подхватывая её на руки. Тёплый, пахнущий псиной комок в руках всегда его успокаивал. – Как же я рад тебя видеть!

Он крепко обнял собаку, слегка помяв мягкий меховой комочек, затем подошёл к столу, заинтересовавшись занятием отца. На столе, на мягкой подстилке, лежал голубь, и старик что-то аккуратно делал с его крылом, орудуя пинцетом и маленькими ножницами.

– Пап, мы что, на ужин голубятину будем? – спросил Джек, усаживаясь напротив и устраивая Пиццу у себя на коленях. Шутка вышла нервной – он сразу понял, что дело серьёзное.

– Нет, сынок, – ответил отец, не отрываясь от работы. Голос его был сосредоточенным и тихим. – Это почтовый голубь. Вчера он по ошибке залетел к нам в дом во время бури. Крыло ранено – похоже, дробь. Видишь? – он показал крошечную ранку. – Кто-то стрелял в него. Хотел подстрелить, но не для супа, как ты выразился. Для почтового голубя это может значить только одно – кто-то очень не хотел, чтобы он доставил письмо.

Он замолчал, сосредоточившись на перевязке. Джек перестал гладить Пиццу, внимательно вслушиваясь в слова отца.

– А в чём тогда проблема? – нахмурился он. – Ну, подстрелили птицу. Бывает.

– Проблема в том, – отец отложил пинцет и вздохнул, вытирая руки, – что он нёс письмо. И судя по отрывку, который удалось разобрать, информация там… важная. Очень важная.

Он подошёл к серванту, достал небольшую резную коробку, где хранил важные мелочи, и извлёк из неё испачканный чернилами, покоробившийся от воды клочок бумаги.

– Вот, посмотри сам. Я только часть смог прочитать. «Похищена», «Ларгиндия», «Цвилиндария»… и мольба о помощи.

Джек взял записку в руки, бережно, словно она была сделана из тончайшего стекла. Он забыл про ужин, про Пиццу, про усталость. Его внимание теперь целиком принадлежало этому клочку бумаги. Он вглядывался в расплывчатые буквы, пытаясь представить, кто и при каких обстоятельствах писал эти строки.

– Ларгиндия, – медленно проговорил он. – Это же империя на востоке. Далеко. А Цвилиндария… я даже не знаю, где это. Пап, ты что-нибудь слышал о ней?

– Где-то на юге, за горами, – неуверенно ответил старик. – Сказочное королевство, говорят. Богатое.

Джек молчал, вертя в пальцах записку. Пожелав отцу спокойной ночи, он поднялся в спальню и до глубокой ночи сидел над загадочным текстом, пытаясь его расшифровать, подставляя под расплывчатые пятна разные слова. В голове роились мысли: кому понадобилось стрелять в беззащитную птицу? Кого похитили? И какую цену готовы заплатить те, кто отправил это послание?

В конце концов, сражённый усталостью, он так и уснул за столом, положив голову на руки, в которых всё ещё сжимался клочок бумаги с обрывочными словами о чьей-то беде. Пицца свернулась калачиком у его ног, и во сне Джеку казалось, что он слышит далёкий, тоскливый крик о помощи, летящий сквозь бурю.

—

Глава 6. Золотая клетка

Ларгин был вдовцом. Его супруга скоропостижно скончалась при родах, оставив на его руках маленький крикливый комочек, который со временем вырос в принца Оскара. Заботу о ребёнке взяла на себя Изабелла – женщина, которую Ларгин привёз из Карагона и которая за годы стала для мальчика больше, чем просто фавориткой отца.

Изабелла никогда не пыталась заменить мать – она была умна и понимала, что это невозможно. Но она была рядом, когда Оскар болел, когда делал первые шаги, когда разбивал коленки и плакал. И Оскар платил ей благодарностью – той особой, детской, искренней, которую взрослые часто не замечают. Но когда мальчик вырос, благодарность осталась, а вот Изабелла… Изабелла стала для него просто частью дворца, привычной и незаметной, как стены или мебель.

А потом появилась Иния.

Оскар не мог объяснить, что именно привлекло его в этой тихой, скромной муравушке. Может быть, её глаза – глубокие, тёмные, в которых таилась какая-то печаль. Может быть, её голос – мягкий, спокойный, не похожий на визгливые голоса придворных красавиц. Может быть, то, как она смотрела на него – без подобострастия, без заискивания, просто как на человека.

Он ловил себя на том, что ищет её взглядом в коридорах, что придумывает поводы заговорить с ней, что ночами думает о ней, забывая о придворных развлечениях и обязанностях.

Ларгин заметил это не сразу. Но когда заметил – в душе его всколыхнулось что-то тёмное и неприятное. Иния с каждым днём всё больше напоминала ему покойную жену. Те же глаза, тот же разрез бровей, та же манера опускать голову при разговоре. Он смотрел на неё и видел призрак, который вдруг обрёл плоть.

И тогда в нём заговорила ревность. Не та, что к сыну, – та была бы понятна и даже естественна. А та, что к собственному прошлому, к тому, чего уже не вернуть и что вдруг оказалось так близко.

– Оскар должен жениться на Флорине, – сказал он однажды Изабелле, когда они остались вдвоём в его кабинете. – Это решит многие проблемы.

– Какие проблемы, Ларгуша? – спросила Изабелла, внимательно глядя на него. Она знала его слишком хорошо, чтобы не заметить, что за этими словами скрывается что-то ещё.

– Политические. Цвилиндария – богатое королевство. Союз с ними укрепит нашу империю.

– Политические, – эхом повторила Изабелла. – Конечно.

Она не стала спорить. Она знала: когда Ларгин что-то решил, переубедить его невозможно. Но в душе её поселилась тревога. Она видела, как смотрит на Инию Оскар. И видела, как смотрит на неё сам Ларгин. Исход этой истории мог быть страшным.

—

Узкая дорожка петляла между густых зарослей, и по её каменистой поверхности мерно стучали подковы двух лошадей. Иния по поручению императора сопровождала Флорину, чтобы показать ей будущий дворец – тот самый, который построили для молодожёнов на берегу озера.

Ларгин рассчитывал, что великолепие будущего дома смягчит сердце принцессы и заставит её смириться с предстоящим браком. Он не знал, что в этой поездке решится судьба не только Флорины, но и всех остальных.

Дорога вилась среди холмов, открывая то вид на озеро, то на горные вершины вдалеке. Иния ехала молча, погружённая в свои мысли. Наталина, то и дело косилась на неё, пытаясь понять, о чём та думает.

– Иния, – наконец нарушила молчание принцесса. – Я хочу сказать тебе кое-что.

– Говори, – отозвалась та, не оборачиваясь.

– Я знаю, что занимаю не своё место. Я вижу, как Оскар смотрит на тебя. Я не слепая.

Иния вздрогнула, но промолчала.

– Я не хочу выходить за него замуж, – продолжила Наталина. – Не потому, что он плохой – я его даже не знаю. А потому, что он любит тебя. А ты любишь его. Это видно за версту.

– И что ты предлагаешь? – голос Инии звучал глухо.

Наталина оглянулась по сторонам – дорога была пуста – и догнала лошадь, поравнявшись с подругой.

– Помоги мне бежать.

Иния резко обернулась, в глазах её мелькнул испуг.

– Ты понимаешь, что говоришь? Если нас поймают…

– Если нас поймают, что они сделают? – перебила Наталина. – Убьют? Посадят в темницу? Мне уже всё равно. Я не хочу жить в золотой клетке. Я хочу домой. А ты… ты получишь своего Оскара.

Иния долго молчала. Лошади шли шагом, и только стук копыт нарушал тишину.

– Ты не представляешь, о чём просишь, – наконец сказала она. – Здесь всё сложнее, чем ты думаешь. Ларгин… он не прощает тех, кто его предаёт. Если он узнает, что я помогла тебе, мне конец.

– Тогда бежим вместе, – Наталина схватила её за руку. – Бежим обе. Ты, я, Оскар – если он захочет. Мы найдём место, где нас не достанут.

– Ты говоришь как ребёнок, – горько усмехнулась Иния. – Ларгин – император. У него армия, у него шпионы по всему континенту. От него не спрячешься.

– А ты попробовать не хочешь? – Наталина смотрела на неё в упор. – Или так и проживёшь всю жизнь в клетке, глядя, как твоего любимого женят на другой?

Иния отвела взгляд. В глазах её блеснули слёзы.

– Я не знаю… – прошептала она. – Я просто не знаю, что делать.

– Подумай, – мягко сказала Наталина. – У нас ещё есть время. А сейчас… смотри, кажется, мы приехали.

Впереди, на берегу озера, открылся дворец. Он был необычайно красив – розовые мраморные стены с разноцветными прожилками упирались в позолоченную кровлю. Во всю ширину фасада выступал огромный балкон с изумрудными балясинами и золотыми перилами, под которым выстроились в ряд массивные колонны из белого мрамора. Тёмные глазницы ещё нежилых окон, обрамлённые перламутровыми наличниками, смотрели на бирюзовую гладь озера.

От вымощенной площади перед фасадом расходились узкие аллеи, по краям которых замерли фигурки сказочных существ. Голубоватые дорожки, покрытые мраморной крошкой, издали напоминали ручейки, огибавшие зелёные насаждения парка и стекавшиеся к небольшому деревянному причалу.

– Красиво, – тихо сказала Наталина. – Даже очень красиво. Знаешь, если бы всё было иначе, я бы, наверное, мечтала здесь жить.

– Если бы всё было иначе, – эхом отозвалась Иния.

Они спешились и пошли по дорожке к причалу. Вода в озере была прозрачной, почти невесомой, и в ней отражались облака, плывущие по небу. На мгновение Наталине показалось, что она снова дома, в своём саду, где она так любила мечтать у пруда.

– Иния, – сказала она вдруг. – А что, если… что, если мы не будем ждать, пока всё решится само собой? Что, если мы сами начнём действовать?

Иния посмотрела на неё долгим взглядом. В глазах её боролись страх и надежда.

– Что ты предлагаешь?

– Познакомь меня с Оскаром. По-настоящему. Не как с женихом, а как с человеком. Я хочу понять, что он за муравьин. И если он действительно любит тебя так, как ты говоришь… может быть, мы сможем договориться.

Иния удивлённо подняла брови.

– Ты хочешь…

– Я хочу, чтобы мы все были счастливы. – Наталина улыбнулась – впервые за долгое время улыбнулась по-настоящему, светло и открыто. – Я – дома. Ты – с Оскаром. А император… император пусть ищет себе другую игрушку.

– Ты сумасшедшая, – выдохнула Иния, но в голосе её звучало восхищение. – Совершенно сумасшедшая.

– Знаю, – кивнула Наталина. – Но иногда только сумасшедшим удаётся то, что кажется невозможным.

Они стояли на причале, глядя на воду, и каждая думала о своём. А где-то далеко, в императорском дворце, Ларгин уже отдавал распоряжения к свадьбе, даже не подозревая, что в его золотой клетке зреет бунт.

—

Глава 7. Томительное ожидание

Джек с трудом оторвал лицо от полированной поверхности стола. Щёки и нос затекли, расплющенные, казалось, до состояния идеальной плоскости, вровень со столешницей. Он заморгал, прогоняя остатки сна, и первое, что увидел, – тот самый клочок бумаги, всё ещё зажатый в кулаке. Значит, не приснилось. Письмо, голубь, чья-то беда – всё это было наяву.

На часах било девять. Солнце стояло уже высоко, и его лучи пробивались сквозь занавески, отбрасывая на пол длинные световые полосы, в которых плясали пылинки. Джек осторожно разжал онемевшие пальцы, расправил записку на столе и ещё раз вгляделся в расплывчатые буквы. «…лина… похищена… рин… аргиндии… передай… Цвили… Помо… йста…»

Он тяжело вздохнул. Ничего нового. Сколько ни смотри – яснее не станет.

Осторожно ступая по ступеням и балансируя, словно канатоходец после бессонной ночи, Джек спустился вниз. Дойдя до кухонной двери, он на мгновение замер, пытаясь привести себя в порядок, и тут же уловил аппетитный запах жареных оладий – тот самый, что в детстве будил его по выходным, когда мама была ещё жива. Сердце кольнуло привычной болью, но он отогнал воспоминания. «Видимо, отец уже возится у плиты», – мелькнуло у него в голове.

Лёгкий толчок – и дверь распахнулась, открыв интерьер кухни. За столом, склонившись над тарелкой, сидел отец и подкладывал очередную оладью Пицце. Собака, завидев хозяина, радостно тявкнула, но от еды не оторвалась – приоритеты есть приоритеты.

– Проходи, сынок. Видно, заморился ты за неделю, раз так долго спал, – сказал старик, бросив на Джека оценивающий взгляд. – Садись, завтрак готов. Я рискнул приготовить мамины любимые оладьи с луком. Не знаю, что получилось, но Пицце, кажется, нравится – вот уже третью доедает.

Собака, услышав своё имя, вильнула хвостом, не отрываясь от еды.

– Как ты себя чувствуешь? Вид у тебя не очень, – добавил отец, ставя перед сыном тарелку с горкой румяных оладий и кружку горячего травяного чая.

– Всё нормально, пап. Просто поздно уснул, – пробормотал Джек, опускаясь на стул и машинально принимаясь за еду. Вкус детства на мгновение отвлёк его от тяжёлых мыслей.

– Значит, и тебя это письмо озадачило? – спросил отец, присаживаясь напротив. В его голосе не было упрёка, только понимание и лёгкое беспокойство.

– Да, пап… – Джек отложил вилку. – Оно меня сильно зацепило. Не могу выкинуть из головы. Пока ясно только одно: кому-то нужна помощь. И помощь эта, судя по всему, серьёзная. Похищение, Ларгиндия… Это не шутки.

– И что ты намерен делать?

– Пока не знаю. – Джек потёр переносицу. – Но ясно, что птица прилетела к нам не случайно. Таких совпадений не бывает.

Отец помолчал, помешивая ложкой чай. Потом поднял глаза на сына:

– Только не вздумай лезть в одиночку в чужие разборки, Джек. Ларгиндия – это тебе не Благосбург. Там империя, там свои законы. И свои тайны.

– Я понимаю, пап. Но и сидеть сложа руки, когда кто-то молит о помощи… не могу.

Старик вздохнул. Он знал этот взгляд сына – упрямый, решительный. Таким же взглядом Джек провожал Мирабеллу, когда та уходила, таким же смотрел на её фотографию год назад. Это был взгляд человека, который не умеет проходить мимо чужой боли.

– Ладно, – сказал отец. – Делай как знаешь. Но будь осторожен. И помни: у тебя есть дом, куда ты всегда можешь вернуться.

Джек кивнул, благодарно сжав отцовскую руку.

История с голубем и его посланием не выходила у Джека из головы весь уикенд. Внешне выходные пролетели стремительно – субботние хлопоты по дому, воскресная ярмарка, встречи

с друзьями. Но для Джека, поглощённого мыслями о письме, это было томительное ожидание. Мысли о письме начинали приобретать навязчивый, почти параноидальный оттенок. Даже воспоминания о воскресной ярмарке – весёлые крики друзей, танцы с местной красавицей Сюзанной, которая действительно строила ему глазки, – казались смутными, будто сквозь туман. Они полностью отрывали его от реальности.

Перед глазами вновь и вновь возникала картина: старинная крепостная башня с единственным узким окошком, за которым томится несчастная принцесса. Она проливает горькие слёзы, надеясь, что её вот-вот спасут. А у подножия – огромный дракон, зорко охраняющий подступы к мрачному каземату.

– Джек… Джек! – Кто-то тряс его за плечо. – Братан, ты в порядке?

Джек вздрогнул, оторвавшись от навязчивых фантазий. На его плече лежала грубая ладонь бригадира Франсуа. Они стояли посреди лесопилки, вокруг пищали пилы и стучали топоры. Оказывается, он уже не первый раз замирал с топором в руках, глядя в одну точку.

– Родной, ты где витаешь? Опять Сюзанку вспоминаешь? – Франсуа хрипло рассмеялся, но в глазах его мелькнуло беспокойство. – Хватит балдеть, выходные кончились. Включайся в работу, а то мы ужеот графика отстаём. Давай, помоги Гарри – у парня проблемы с пилой, никак не выставит развод. Показывал ему сто раз, а толку ноль.

Нехотя Джек кивнул. Работа есть работа – придётся выкинуть из головы этот бред с принцессой. Хотя бы на время.

Лесопилка жила своей привычной жизнью: воздух был пропитан смолистым ароматом свежей древесины, визг пил сливался с дробным стуком топоров, создавая впечатление огромного жужжащего улья. Время от времени эхом раздавался грохот падающих деревьев. Муравьиный труд не прекращался ни на секунду.

Но даже среди этого шума и гама, среди летящих опилок и криков рабочих, образ заточённой принцессы не отпускал Джека. Он работал на автомате, и только к вечеру, когда прогремел сигнал об окончании смены, понял, что принял решение. Он поедет. Он должен узнать, что случилось. Даже если это окажется глупой шуткой или ошибкой – он должен убедиться.

—

Глава 8. Родник жизни

Впереди были долгожданные выходные. Выходя с речного парома, уставшие муравьины-лесорубы разбредались по домам. На этот раз Джек отказался от традиционной кружки пива с друзьями в местной таверне. Сухо попрощавшись, он быстрым шагом заспешил по извилистой тропинке, ведущей к высокому тёмному холму на окраине городка.

Тропа петляла среди кустов орешника, и с каждым шагом тяжесть рабочей недели спадала с плеч, уступая место другому грузу – тому, что он нёс в себе последние дни. Письмо. Принцесса. Чужая беда, которая почему-то стала его собственной.

Дом Джека стоял на самой вершине холма. Его жилище напоминало скорлупу гигантского грецкого ореха, по неведомой причине закатившегося на самую макушку. Круглые оконца, похожие на глаза Пиццы, приветливо поблёскивали в лучах заходящего солнца, разрезая отблесками сгущавшуюся вечернюю мглу. С одной стороны дом окружали высокие сосны, выстроившиеся ровными рядами, словно стражники на посту. С другой – раскинулась большая плоская терраса с деревянными перилами, откуда открывался вид на весь Благосбург.

Ещё издали Джек увидел её. Пицца сидела у калитки, навострив уши и вглядываясь в темноту. Она всегда чуяла его за милю. Рядом, в таком же ожидании, неспешно прогуливался пожилой муравьин, то и дело поглядывая на тропу.

Стоило Джеку появиться из-за поворота, как собака восторженно залаяла и кинулась навстречу, виляя всем телом так, что задние лапы, казалось, вот-вот оторвутся от земли. Джек, предвкушая эту встречу, заранее достал из сумки коробку с пиццей.

– Пицца, Пицца, моя хорошая! – он присел на корточки, и собака тут же принялась вылизывать его лицо, руки, всё, до чего могла дотянуться. Её радость была такой искренней, такой безоглядной, что на мгновение все тревоги отступили.

– Ну всё, всё, – засмеялся Джек, ставя перед ней коробку. – Держи, проказница.

Пицца с визгом набросилась на угощение, и Джек наконец выпрямился, подходя к отцу.

– Привет, пап.

– Привет, сынок. – Старик обнял его, и в этом коротком жесте было столько тепла, что у Джека защипало в глазах. – Заждались мы тебя. Пицца с самого утра калитку гипнотизирует.

– Я знаю. Прости, задержался.

– Работа есть работа, – отец махнул рукой. – Идём в дом, я там кое-что приготовил.

– Пап, постой. – Джек взял его за руку. – Тот голубь… он как?

Старик обернулся, и в его глазах мелькнуло понимание.

– А ты зайди, сам посмотри.

Они вошли в дом. В столовой горел свет, пахло свежезаваренным чаем и ещё чем-то знакомым с детства – маминными оладьями, хотя мамы не было уже много лет. На столе, на мягкой подстилке, сидел голубь. Джек замер на пороге.

Птица выглядела иначе. Не тот жалкий, комочек перьев, что залетел к ним в бурю. Голубь был чист, оперение блестело, крылья аккуратно сложены. Он сидел спокойно, с достоинством, и смотрел на вошедших своими умными глазами-бусинками.

– Совсем поправился, – сказал отец, подходя к столу и осторожно беря птицу в руки. – Смотри, крыло зажило. Я каждый день мазью травяной смазывал, как бабка Марта учила. И кормил отборным зерном. Теперь это не просто голубь – красавец.

Джек осторожно протянул руку. Голубь склонил голову набок, словно изучая его, потом позволил прикоснуться к перьям. Они были мягкими, тёплыми, живыми.

– Какой ты… – прошептал Джек. – Настоящий.

– Он и есть настоящий, – усмехнулся отец. – Ты садись, поешь. Оладьи на столе, чайник горячий.

Джек опустился на стул, но к еде не притронулся. Он смотрел на голубя, и мысли его неслись куда-то далеко, в ту неизвестную страну, откуда прилетела эта птица. Где сейчас та, что написала письмо? Жива ли? Ждёт ли?

– Джек. – Голос отца вернул его к реальности. – Ты меня слышишь?

– А? Да, пап, прости.

Старик сел напротив. В его руках тоже была кружка с чаем, но он не пил – смотрел на сына поверх очков тем особенным взглядом, который Джек помнил с детства. Так отец смотрел, когда собирался говорить о чём-то важном.

– Я тут думал последние дни, – начал старик негромко. – Всё смотрел на этого голубя и думал. Ты знаешь, сынок, жизнь – странная штука. Иногда она посылает нам знаки, а мы их не замечаем. А иногда – бьёт прямо по голове, чтоб уж наверняка.

– Ты о чём, пап?

– О тебе. – Отец отставил кружку. – Джек, ты после Мирабеллы сам не свой ходишь. Я понимаю, горе – оно не проходит быстро. Год – это срок, но не для такого, как ты. Ты у меня в отца пошёл – всё в себе носишь, наружу не выпускаешь. Работа-дом, дом-работа. Пустота, тоска, ни радости, ни цели.

Джек хотел возразить, но отец остановил его жестом.

– Не перебивай. Я не для того говорю, чтобы тебя жалеть или стыдить. Я к тому, что этот голубь, это письмо – может, оно не просто так к нам прилетело. Может, это тот самый знак. Шанс.

– Какой шанс?

– Шанс снова почувствовать себя живым. – Старик помолчал, потом добавил тише: – Ты заслуживаешь счастья, Джек. Мирабелла бы не хотела, чтобы ты похоронил себя заживо.

Джек молчал. В горле стоял ком, который невозможно было проглотить. Он смотрел на свои руки – мозолистые, сильные, но такие беспомощные перед лицом чужого горя. И своего тоже.

– Я не знаю, пап, – наконец выдохнул он. – Всё это так странно. Принцесса, похищение, Ларгиндия… Я даже не знаю, где это. Может, это чья-то глупая шутка? Может, письмо подделное?

– Может, – согласился отец. – А может, и нет. Но если это правда, если там действительно кто-то ждёт помощи, а мы пройдём мимо – как мы потом с этим жить будем? Ты как?

Джек поднял глаза. В них стояла та самая решимость, которую старик так хотел увидеть.

– Я поеду, пап. Если голубь вернётся с ответом – я поеду.

– Я знал, что ты так скажешь. – Старик улыбнулся, и морщины на его лице стали глубже, но глаза светились теплом. – Потому что я в твои годы поступил бы так же. Это у нас семейное – лезть в чужие беды.

– Точно, – усмехнулся Джек.

– А теперь давай ешь. – Отец пододвинул к нему тарелку с оладьями. – А то Пицца всё стащит. Она только и ждёт, когда ты отвернёшься.

Собака, услышав своё имя, виновато вильнула хвостом, но от миски не отошла. Джек рассмеялся – впервые за долгое время рассмеялся по-настоящему, легко и свободно.

—

После ужина он поднялся на террасу. Ночь уже опустилась на Благосбург, зажигая внизу редкие огоньки. Где-то вдалеке ухала сова, пахло скошенной травой и речной свежестью. Джек глубоко вдохнул и почувствовал, как в груди разливается странное, давно забытое тепло.

Он был нужен. Кому-то там, далеко.

Наутро он первым делом вынес пернатого друга на террасу, чтобы покормить его там. Голубь быстро привык к новому наставнику – теперь это был его дом. Он уже не дичился, брал корм с руки и даже позволял гладить себя по голове, довольно жмурясь.

Каждое утро, перед уходом на лесопилку, Джек выпускал птицу в полёт. Рана зажила, и крыло нужно было разрабатывать. Сначала голубь летал неуверенно, делал короткие круги и быстро возвращался. Но с каждым разом он становился сильнее, смелее, дольше задерживался в небе. С каждым разом Джек всё пристальнее вглядывался в его полёт, чувствуя, как внутри нарастает тревога и нетерпение.

«Если птица держится в воздухе так уверенно, пора отпускать её в обратный путь, – размышлял Джек, наблюдая за голубем, который парил высоко над холмом. – Пока он ещё не забыл дорогу домой, пока помнит, откуда прилетел».

Пока голубь кружил в небе, распугивая местных воробьёв, Джек сидел за столом на террасе и сочинял ответное послание. Он перебрал десяток вариантов – от официально-сухих до эмоциональных. В конце концов остановился на коротком, но ёмком тексте, который передавал главное: он здесь, он готов помочь, он ждёт вестей.

Он не сомневался, что ответ прилетит на тех же крыльях, и готовился покинуть родной дом, чтобы прийти на помощь. В мешок уже были сложены сухой паёк, тёплая одежда, оружие и боеприпасы.

Однако сейчас главная роль отводилась пернатому почтальону – вся тяжесть миссии ложилась на крылья этого летучего гонца. От того, найдёт ли он дорогу назад, зависело всё.

Вылет был назначен на воскресное утро. Послание, аккуратно свёрнутое в трубочку и перевязанное тонкой нитью, уже лежало на столе, дожидаясь своего часа.

—

Глава 9. Посланник судьбы

Несколько дней тренировочных полётов – и вот настал решающий старт. Воскресное утро встретило их прохладой и прозрачной синевой неба, на котором не было ни облачка. Солнце только поднялось над горизонтом, окрашивая верхушки деревьев в золотисто-розовый цвет, и роса ещё блестела на траве алмазной россыпью.

В воздухе витало трепетное ожидание, смешанное с надеждой и сомнениями. Всё было готово, оставался последний шаг. Возможно, на другом конце континента это письмо станет связующим звеном в чьей-то судьбе. А может… у них и вправду всё получится.

Странно, но самым спокойным в этот напряжённый момент был главный участник – голубь. Птица степенно расхаживала по перилам террасы, воркуя под нос, будто твердя себе: «Я долечу, я долечу, я долечу…» Иногда она останавливалась, косила глазом на Джека и снова принималась за своё монотонное бормотание. Перья её блестели на солнце, на шее переливался изумрудный отлив – птица была в отличной форме после нескольких дней отдыха и хорошего корма.

Джек подошёл к ограждению, бережно взял её в ладони. Сердце птицы колотилось часто-часто, но она не вырывалась, доверяя человеку, который спас ей жизнь. Он ещё раз проверил, надёжно ли закреплено письмо на тонкой лапке, поправил шёлковую ниточку, которой оно было привязано. Пальцы его чуть дрожали – от волнения, от холода утреннего воздуха, от важности момента.

– Ну, дружище, – прошептал он, глядя птице в глаза. – Теперь всё зависит от тебя. Найди дорогу. Пожалуйста.

Голубь моргнул, склонил голову набок, будто понимая каждое слово.

Джек глубоко вздохнул, вышел на открытую площадку террасы, поднял руки высоко над головой и, широко взмахнув ими, подбросил птицу ввысь:

– Лети, малыш! Лети и возвращайся!

Под звук хлопающих крыльев Пицца, дремавшая в углу террасы, мгновенно вскочила и рванула вдогонку, процарапав когтями деревянный пол и оставив на нём глубокие борозды. Но, замерши у самого края, лишь продолжила провожать улетающего гонца неугомонным лаем, который звенел в утреннем воздухе, как прощальный колокольчик.

Крылья с шелестом разрезали прохладный воздух, унося голубя в бирюзовую даль. Он набирал высоту уверенно, мощно, словно чувствуя важность своей миссии. Сначала его ещё можно было разглядеть – тёмную точку на фоне светлеющего неба. Потом точка становилась всё меньше и меньше, пока совсем не растворилась в сиянии восходящего солнца.

Джек ещё долго стоял на краю террасы, задрав голову и мысленно провожая посланника. Ему казалось, что он всё ещё видит его там, высоко-высоко, хотя небо было уже совершенно чистым. Очнулся, только когда Пицца дёрнула его за штанину и жалобно заскулила – мол, хватит стоять, пойдём в дом, здесь холодно.

– Ладно, ладно, идём… – пробормотал он, подхватывая собаку на руки, и последовал за отцом, уже скрывшимся в глубине дома.

—

За завтраком царила тишина, нарушаемая только звоном ложек, потрескиванием дров в печи и довольным чавканьем Пиццы, которой сегодня перепало особенно много лакомств со стола. Старый муравьин поглядывал на сына поверх очков, но молчал, давая ему время собраться с мыслями. Наконец, не выдержав затянувшегося молчания, он отложил ложку и спросил:

– Джек, ты и вправду думаешь, что это письмо долетит до адресата? До той самой принцессы, если она вообще существует?

– Не знаю, пап. – Джек отодвинул тарелку. – Но хочется верить. Очень хочется.

Старик снял очки, протёр их и снова водрузил на нос. Этот жест Джек знал с детства – когда отец собирался говорить о чём-то важном.

– Сынок, я понимаю, что эта история тебя зацепила. – Голос его звучал мягко, без тени осуждения. – И понимаю почему. Ты после Мирабеллы сам не свой ходишь. Работа-дом, дом-работа. Пустота, тоска, ни радости, ни цели. И тут вдруг письмо, чужая беда, возможность кого-то спасти… Я же вижу, как у тебя глаза загорелись впервые за год.

Он помолчал, поглаживая Пиццу, которая тут же подставила голову под ласковую руку.

– И вчера я тебе говорил – может, это и правда шанс. Шанс снова почувствовать себя живым, отвлечься от самобичевания, перестать винить себя в том, что случилось. Ты заслуживаешь счастья, Джек. Мирабелла бы не хотела, чтобы ты похоронил себя заживо.

Джек поднял глаза на отца, но промолчал.

– Но, Джек… – голос старика стал твёрже. – Одно дело – отвлечься, найти новую цель, перестать убиваться по прошлому. И совсем другое – ввязаться в историю, о которой ты ничего не знаешь. Похищение, Ларгиндия, чужие интриги… Это тебе не на ярмарке с Сюзанной потанцевать, которая на тебя заглядывается уже полгода. Это опасно. По-настоящему опасно.

– Я понимаю, пап.

– Понимаешь ли? – старик покачал головой. – Ты видишь в этом письме знак, судьбу, благородное приключение. А я вижу риск. Ты солдат бывший, это правда. Я сам тебя учил и стрелять, и в разведку ходить. Но война давно кончилась. Ты отвык. Расслабился. А там, если всё это правда, люди серьёзные. Которые стреляют в почтовых голубей, чтобы те не доставили весть. Которые крадут принцесс и держат их в клетках. Ты представляешь, с кем можешь столкнуться?

Джек молчал, глядя в тарелку с остывшей едой.

– Я не говорю – не делай, – продолжил отец. – Ты взрослый муравьин, тебе решать. Я только прошу: подумай хорошо. Не потому что я боюсь за тебя, хотя, конечно, боюсь, ты мой единственный сын, а потому что такие решения наскоком не принимают. Взвесь всё. Если голубь вернётся с ответом – тогда и будешь решать. А пока… не накручивай себя раньше времени. Не строй воздушных замков.

Он помолчал, потом добавил тише:

– Я просто не хочу, чтобы ты снова разбился, Джек. Ты едва оправился после Мирабеллы. Если эта история кончится плохо… я не знаю, выдержишь ли ты ещё один удар.

Джек поднял глаза. В них была благодарность, смешанная с упрямством.

– Спасибо, пап. Я… я правда подумаю. Обещаю. Но если голубь вернётся… если будет ответ… я должен буду поехать. Понимаешь? Должен.

Старик долго смотрел на сына, потом вздохнул.

– Понимаю. Потому что я в твои годы поступил бы так же. – Он усмехнулся в усы. – Видно, это у нас семейное – лезть в чужие беды.

– Точно, – улыбнулся Джек впервые за утро.

– А теперь давай доедай, – строго сказал отец, пододвигая к нему тарелку. – А то Пицца всё стащит. Она только и ждёт, когда ты отвернёшься. Я её знаю.

Собака, услышав своё имя, виновато вильнула хвостом и попыталась сделать вид, что она вообще ни при чём и ничего не ждёт. Но глаза её были прикованы к оставшемуся на тарелке кусочку колбасы.

– Иди сюда, плутовка, – Джек пододвинул ей угощение. – Заслужила. Ты у меня лучший сторож.

Пицца довольно зачавкала, а Джек принялся за еду, чувствуя, как тепло отцовской заботы разливается в груди.

—

После завтрака он снова вышел на террасу. Солнце поднялось уже высоко, день обещал быть тёплым. Внизу, у подножия холма, раскинулся Благосбург – его маленькие домики, извилистые улочки, зелень садов. Всё как всегда. Но сам Джек чувствовал себя иначе.

Мысли его снова вернулись к голубю, к письму, к принцессе, о которой он ничего не знал, но которой уже был готов помочь. Он представил её – тоненькую, светловолосую, с большими испуганными глазами. Представил, как она сидит в заточении и смотрит в небо, надеясь на чудо.

– Я не подведу тебя, – тихо сказал он в пустоту. – Если ты ответишь – я приду.

Пицца, сидевшая у его ног, тявкнула, будто соглашаясь.

Джек погладил её по голове и снова устремил взгляд в небо – туда, где скрылся его пернатый посланник. Теперь оставалось только ждать. Ждать и надеяться. Что птица найдёт дорогу. Что письмо попадёт в нужные руки. Что судьба даст ему шанс.

А пока – ждать. Самое трудное.

—

Глава 10. Последняя надежда

Пропавшую принцессу уже почти перестали оплакивать – все решили, что она погибла в когтях дикого зверя. Траур во дворце давно закончился, жизнь вошла в привычное русло, и только в двух сердцах теплилась надежда – в сердце королевы и в сердце детектива, который не привык сдаваться.

Каждый вечер королева приходила в опочивальню к супругу, садилась у его постели и тихо напевала задорную песенку про толстого муравьина Джона, который неудачно сходил на рыбалку. Эту песенку всегда распевала их дочь, весело приплясывая и хлопая в ладоши.

«Наш Джони на рыбалку к озеру пришёл,
Укромное местечко на бережку нашёл,
Под кустиком, в рядок, вкусняшки разложил,
Но только вот про удочку совсем толстяк забыл.
Тишина! Тишина! Джони ловит окуня!
Поплавок исчез в воде… Ух! В животе заохало!»

Когда-то зрелище было завораживающим: принцесса так лихо отплясывала, что даже сдержанные слуги едва сдерживали улыбки. Король с королевой смеялись до слёз и хлопали в ладоши. В эти мгновения покои наполнялись светом.

Теперь же король лишь слабо улыбался сквозь морок болезни, по его исхудавшим щекам катились слёзы, а затем он погружался в тяжёлый сон под тихое напевание. Его здоровье, подкошенное исчезновением дочери, таяло с каждым днём. Придворные лекари только разводили руками – тело не болело, но дух угасал.

Королева же, аккуратно поправив одеяло, выходила из спальни и направлялась в главную башню. С высоты птичьего полёта она всматривалась в подёрнутый вечерней дымкой горизонт, надеясь увидеть знак – хоть что-то, что подтвердит: её девочка жива. Ветер трепал её седеющие волосы, но она не замечала холода. Она ждала. Ждала каждый вечер, каждый день, каждую минуту.

Её не отпускал образ следов на песке – последнее, что осталось от Наталины. Она видела их собственными глазами в тот страшный день: маленькие, изящные отпечатки босых ног, кружащиеся в вальсе, и потом – полоса, словно что-то тяжёлое волокли к лесу. Она запомнила каждую деталь, каждую складочку на песке. И потому королева втайне от всех наняла детектива – старого, видавшего виды муравьина по имени Туаро.

Туаро был известен во всём континенте. Говорили, что он находил тех, кого найти невозможно, что у него нюх на правду, как у ищейки на след. Королева отдала ему почти все свои личные сбережения, лишь бы он согласился взяться за это дело. И Туаро взялся. Но от него давно не было вестей, и тишина становилась всё невыносимее.

—

Детектив Туаро мысленно составлял отчёт, сидя в дешёвой таверне на окраине Ларгиндии. Два месяца он колесил по континенту, выискивая ниточки, которые могли бы привести к пропавшей принцессе. Ниточки обрывались одна за другой. Свидетели молчали, или их запугивали, или они действительно ничего не знали. Следы вели в тупик, и каждый раз, когда ему казалось, что он близок к разгадке, истина ускользала, как вода сквозь пальцы.

Теперь, в последнем пункте своего маршрута – далёкой Ларгиндии, – он почти смирился. Оставалось формально опросить местных и можно было возвращаться с горьким заключением: следов принцессы не найдено, и, скорее всего, она действительно стала жертвой дикого зверя. Или, что ещё хуже, её похитили, но найти уже не удастся никогда.

Он остановился в пригороде у императорской резиденции, где как раз кипела ярмарка. Шум толпы, крики торговцев и запахи пряностей оглушали после долгой дороги. В поисках тишины и, главное, информации Туаро зашёл в небольшую таверну на окраине площади.

Заняв столик в углу, откуда был виден весь зал, он заказал чашку цветочного чая и кусок пирога. Миловидная пожилая муравушка-хозяйка принесла заказ, и детектив, как бы между прочим, поинтересовался, кто здесь самый осведомлённый человек. Та, не задумываясь, кивнула на весёлого муравьина в красном колпаке, с курительной трубкой в зубах и объёмистым животом, который колыхался при каждом смехе.

Тот сидел в компании, игравшей в странную игру. Шестеро участников перебирали костяные пластинки с символами, выкрикивая что-то непонятное. Туаро, любитель головоломок, заинтересовался: игроки набирали фишки, определяли очередь хода, а затем с азартом прикладывали их друг к другу, стараясь избавиться от своих фишек первыми.

Решив, что лучший способ разговорить человека – это разделить его досуг, Туаро попросил разрешения присоединиться. Муравьин в колпаке – его звали Винсенто – охотно объяснил правила и подвинулся, давая место. Детектив представился вымышленным именем и упомянул, что приехал на ярмарку из любопытства, что он торговец редкими диковинками.

Это было ошибкой. Его мгновенно окружили другие посетители, наперебой расхваливавшие свои товары. Туаро уже пожалел о сказанном, но его выручил новый знакомый.

– Эх, оставьте гостя в покое! – качнул головой Винсенто, раскуривая погасшую трубку. – Дайте муравьину отдохнуть с дороги. Лучше взгляните-ка на мою коллекцию бабочек! Я привёз её специально для ярмарки. Не желаете полюбоваться, уважаемый?

Туаро с облегчением согласился. Они вышли из шумной таверны в прохладный вечерний воздух, и Винсенто повёл его к своему фургону, стоящему на окраине ярмарочной площади.

– Вы не сердитесь на них, – говорил он по дороге, попыхивая трубкой. – Люди здесь простые, добытчики. Редко видят чужаков, вот и любопытствуют. А я, признаться, тоже любопытен. Вы сказали, торговец диковинками? А я коллекционер. Может, обменяемся опытом?

Коллекция Винсенто и правда впечатляла. Сотни бабочек, наколотых на булавки и разложенных по коробкам, поражали разнообразием красок и форм. Туаро, в молодости увлекавшийся энтомологией, сумел поддержать беседу, поделившись наблюдениями за этими удивительными созданиями. Он рассказывал о повадках редких экземпляров, о местах их обитания, о том, как меняется окраска в зависимости от времени года. Винсенто слушал с раскрытым ртом.

– Вы, я вижу, знаток! – восхищённо воскликнул он. – Настоящий знаток! Послушайте, а не хотите ли познакомиться с моим зятем? У него коллекция побольше моей будет. И, между прочим, он служит при императорском дворе, герольдом. Может, у вас найдётся что-то для обмена?

Туаро навострил уши. Императорский двор? Герольд? Это был шанс.

– С удовольствием, – сказал он, стараясь, чтобы голос звучал спокойно. – Когда можно будет встретиться?

– Да хоть завтра, – махнул рукой Винсенто. – Я скажу Карлу, что приведу интересного муравьина. Он будет рад.

Туаро кивнул, пряча довольную улыбку в усы. Удача, кажется, начинала поворачиваться к нему лицом.

—

На следующий день он уже стоял у дверей дома Карла, императорского герольда. Аллея, ведущая к усадьбе, была обрамлена мандариновыми деревьями, наполнявшими воздух сладким цитрусовым ароматом. Дорожка из красной брусчатки выглядела нарядно и празднично. Впереди возвышалась небольшая усадьба из красного кирпича, чей центральный вход обрам-

ляли золотистые колонны. Крыша, покрытая коричневой черепицей, венчалась бронзовым флюгером в виде бабочки.

Туаро переступил порог с чувством охотника, вышедшего на след.

– А вот и наш гость! – воскликнул Винсенто, появляясь откуда-то с бокалом в руке. Он уже успел изрядно выпить и раскраснелся, но держался молодцом. – Карл, это тот самый путешественник, о котором я тебе говорил. Он знает о бабочках больше, чем я о своих детях!

Карл оказался муравьином лет сорока, с живыми, умными глазами и открытой улыбкой.

Карл рассмеялся и протянул руку.

– Рад познакомиться. Отец много о вас рассказывал. Говорит, вы бывали в таких местах, где и людей-то нет?

– Бывал, – скромно ответил Туаро. – Профессия обязывает. Торговля редкостями – дело непростое.

– О, тогда вы обязательно должны взглянуть на мою коллекцию! – Карл взял его под локоть и повлёк к огромным витринам, занимавшим всю стену. – Вот, смотрите. Это моя гордость.

Туаро смотрел и не мог не восхищаться. Коллекция и правда была великолепна. Сотни, если не тысячи бабочек всех цветов и размеров были аккуратно разложены по коробкам, каждая с этикеткой, указывающей место и время поимки. Здесь были и крошечные голубянки, и огромные парусники с размахом крыльев в ладонь, и ночные красавицы с бархатистыми крыльями.

– Невероятно, – искренне сказал Туаро. – Я много где бывал, но такую коллекцию вижу впервые.

За чашкой ароматного чая разговор с Карлом зашёл о коллекционировании, о редких экземплярах, о путешествиях. А потом, как бы невзначай, коснулся императора.

– Говорят, у его величества тоже богатая коллекция? – спросил Туаро, делая вид, что просто поддерживает светскую беседу.

– О да! – Карл оживился. – У императора удивительная коллекция. Не только бабочек, но и… – он запнулся, но потом, понизив голос, продолжил: – Вы только никому не говорите, но у него есть коллекция красавиц со всего континента. Редкие экземпляры, я бы сказал.

– Красавиц? – переспросил Туаро, стараясь, чтобы голос звучал ровно. – В каком смысле?

– В прямом. Муравушки со всех концов света. Он их… как бы это сказать… собирает. Для своего гарема. – Карл оглянулся на дверь и добавил совсем тихо: – Говорят, не всегда законными методами. Но кто ж ему укажет? Император.

Туаро почувствовал, как сердце забилось чаще. Вот оно.

—

Он вышел из усадьбы, и в груди его разгорался огонь. Принцесса нашлась. Теперь нужно было только убедиться, что это действительно она, и сообщить королеве.

Но как проникнуть во дворец? Как встретиться с ней? Туаро задумался, глядя на заходящее солнце. И тут в голову пришла идея. Бабочка. Та самая красноглазый махаон, о котором говорил Винсенто. Если у него будет такая бабочка, он сможет войти в доверие к Карлу, а через него – во дворец. Осталось только раздобыть этот редчайший экземпляр.

Туаро улыбнулся и зашагал к почтовой станции. Пора было отправлять весточку королеве.

—

Глава 11. Утреннее послание

До свадьбы принца Оскара и Флорины оставались считанные дни. Дворец наполнялся предсвадебной суетой. Торжественный зал украшали тысячами цветов, превращая его в огромную оранжерею, наполненную восхитительным ароматом. Дорогу к центральному подъезду устлали яркими коврами, по краям которых выстроились изящные фарфоровые вазы. На стенах колыхались старинные гобелены с изображением рыцарских поединков, а перед дворцом обновлённый фонтан испускал цветные струи воды. Позолоченная карета, запряжённая шестёркой белых лошадей, в очередной раз проезжала по предстоящему маршруту свадебного кортежа. Весь дворцовый муравейник трудился, готовясь к грандиозному торжеству.

А в покоях принцессы творилась не меньшая суета. Вокруг Флорины копошились служанки, примеряя наряды и украшения, обсуждая детали события. Вся дворцовая индустрия красоты кружилась вокруг принцессы. Лишь иногда, вырываясь на свободную минуту, Флорина спешила к окну. Порой ей казалось, что она видит в небе силуэт своего голубка. Тревожное волнение тут же захлёстывало её, но почти сразу сменялось болезненным разочарованием. От этих переживаний хотелось куда-то убежать, а лучше – улететь, расправив воображаемые крылья, высоко-высоко, туда, где можно было парить без страха в воздухе свободы.

Приближался вечер, и постепенно покои принцессы опустели. Осталась лишь Иния.

– Ты стала ещё прекрасней, – произнесла та, не скрывая горечи.

Флорина, сидя у окна, молчала. Ей было уже всё равно. Последняя надежда растворилась, не оставив и следа. Не осталось сил тешить себя иллюзиями. Теперь им вряд ли кто-то поможет.

Солнце клонилось к закату, окрашивая облака в багровые тона. Алые отсветы подводили яркой чертой потемневшие контуры деревьев. На подоконнике стоял горшочек с бархатистой магнолией, наполняя воздух тонким, едва уловимым ароматом.

Флорина сидела у открытого окна, её белокурые локоны мягко спадали на побледневшее лицо. Усталость смела прежний румянец, а взгляд, казалось, ничего не видел перед собой. Мысли сплелись в тяжёлый клубок, хаотично болтаясь в опустошённом сознании. В этот момент нежной, живительной волной полилась струнная мелодия, постепенно пробуждая её ото сна.

Иния плавным прикосновением извлекала из натянутых струн арфы нежные звуки давно забытой грустной мелодии. Сейчас в их душах безмятежно дрейфовали разочарование и горький осадок. Ведь через несколько дней всё будет кончено. Слёзы одна за другой прокладывали мокрые дорожки по щекам Флорины.

– Но что это? Этого не может быть! Иния, смотри скорее! – Вытирая слёзы, Флорина привстала и потянулась к окну.

Она распахнула створки так стремительно, что, казалось, вот-вот выпадет наружу. К ней подскочила Иния, обнимая за плечи. Флорина потянула руки вверх.

– Милая моя пташка! Родненький мой голубочек! Ты вернулся! Ты наш спаситель! Иния, смотри, он вернулся!

Таких бурных эмоций Флорина никогда не испытывала – это была яростная вспышка забытой радости в её остывшем сердце. Голубь, хлопая крыльями, парил у окна, выбирая место для посадки на подоконнике.

– Мой милый! – шептала Флорина, подхватив и прижав птицу к груди. – Мы уже думали, что ты не вернёшься…

Через несколько минут в её руках оказалось долгожданное письмо. Самый дорогой подарок в жизни. Подарок судьбы. Она ещё не догадывалась, что оно не принесёт желанного утешения, но всё равно – это было небольшое дуновение ветерка свободы. Посадив голубя в клетку, Флорина развернула листок. И стала читать.

«Вас приветствует Джек из Благосбурга.

Эта птица была ранена в крыло, по всей видимости, в неё стреляли, и она попала к нам во время бури. (Птицу мы выходили.) Ваше письмо сильно пострадало от воды, но из остатков слов мы поняли, что вам требуется помощь. Мы готовы приложить все усилия, чтобы вам помочь, если, конечно, она вам потребуется. Надеюсь, голубь найдёт обратную дорогу без проблем.

С уважением, Джек».

Флорина слегка расстроилась, что письмо не попало к её родителям, но радость не покидала её. Это всё равно был шанс – пусть далёкий, но шанс.

– А как далеко от нас Благосбург? – неожиданно спросила Флорина.

– Я не знаю, но могу узнать, – ответила Иния.

– Как ты думаешь, можно ли довериться этому Джеку? – продолжила принцесса.

– Я думаю, у нас нет выбора. Мы ничего не теряем. Стоит попробовать, – подытожила Иния.

– Да, милая. Я сейчас же начну сочинять ответ, а ты ступай. Утром мы встретимся. Только узнай, пожалуйста, как далеко этот Благосбург, – произнесла принцесса на прощание.

– Хорошо, доброй ночи, Флорина! – Повернувшись, Иния стала уходить.

– Постой! – резко окликнула её Флорина. – Мне нужно, чтобы о голубе и письме никто не знал. И приходи пораньше.

Иния кивнула, прикрыв за собой дверь. Флорина осталась одна, сжимая в руках письмо и глядя на дремлющую птицу.

– Бедная птичка… Ну и досталось же тебе, – прошептала она.

—

Иния ушла. Флорина убрала клетку за ширму, смахнула с подоконника следы пребывания птицы и присела на край кровати, снова развернув письмо.

На столе перед ней лежали полученное послание и чистый лист бумаги. Флорина задумалась, затем медленно вывела строки:

«Здравствуйте, Джек. Пишет Вам принцесса Наталина, но во дворце, где меня удерживают, меня называют Флориной. Меня похитили из Цвилиндарии и хотят насильно выдать замуж за принца Ларгиндии. Свадьба – через три дня…

Я не знаю, как Вы сможете мне помочь. Но с этой минуты я принимаю Ваше предложение, Вы – мой единственный шанс.

С искренней благодарностью и надеждой, Наталина».

Аккуратно свернув письмо в тонкую трубочку, она спрятала его в стол. Теперь оставалось только ждать рассвета. Спать не хотелось.

«Хорошо, что голубь попал именно к Джеку… – в надежде думала Наталина. – Это хоть какой-то шанс выбраться отсюда. Но кто же стрелял в птицу? Кто пытался помешать доставить письмо?»

Размышления утомили её, и вскоре она заснула, прижав к груди драгоценное послание от Джека.

—

Тихий стук в дверь разбудил Флорину. Она села на кровати – с вечера так и не разделась. Протерев лицо ладонями, она медленно приходила в себя.

– Кто там? – тихо спросила она, подойдя к двери.

– Это я, Иния, – раздался знакомый голос.

Флорина открыла.

– Доброе утро, милая!

Подруги обнялись.

– Я узнала, где находится Благосбург, – начала Иния. – Это на юго-западе, в глубине континента. Дорога от него, если ехать верхом на лошади, займёт два дня. Так мне объяснили.

– Два дня… Многовато, – вздохнула Флорина. – Но будем надеяться, что Джек успеет добраться.

– Я приготовила письмо, можно отправлять голубка, – сказала Флорина. – Только покормлю его перед дорогой.

Иния кивнула, потом, немного помедлив, добавила:

– Кстати, вчера вечером, когда я вышла от тебя, во дворе встретила Изабеллу. Она расспрашивала о тебе… как-то странно: не болеешь ли ты, чем занята и так далее. А потом спросила, не возвращался ли голубь. – Иния лукаво улыбнулась. – Ну, я, конечно, ответила, что ты здорова, занимаешься вышивкой, а про голубя сказала, что ты его и не ждёшь особо. Но мне интересно… с чего это она так им заинтересовалась? Может, это она пыталась его остановить?

– Действительно… – Флорина задумалась, но тут же махнула рукой. – Об этом ещё поговорим. А сейчас пора отпускать птицу, пока дворец не проснулся.

Они аккуратно привязали к лапке голубя свёрнутое в трубочку письмо. Флорина осторожно приоткрыла окно, огляделась – вокруг было тихо – и выпустила голубка, слегка подбросив его вверх.

Птица взмыла в небо, уверенно набирая высоту, пока совсем не исчезла в сереющем утреннем тумане.

В груди Флорины снова затеплилась надежда. Она закрыла глаза, представив, что летит вместе с голубем, чувствуя пронизывающую прохладу утреннего воздуха. И от этой мысли ей становилось радостно и легко.

—

Глава 12. Навстречу судьбе

Джек сидел на террасе, задумчиво всматриваясь в безоблачную даль. Небо медленно меняло цвет, подёрнутое утренней дымкой. Его взгляд скользил по макушкам могучих деревьев, выискивая малейшее движение в рассеивающейся тумане. Мысли, словно поднятая ветром пыль, кружились в возбуждённом сознании, смешивая давние горькие воспоминания с лёгким, ещё не оформившимся предчувствием.

Прошло уже больше суток с тех пор, как голубь с письмом улетел в ту самую даль, куда Джек устремил свой нетерпеливый взгляд. Он считал часы, хотя понимал, что это бессмысленно. Птица либо найдёт дорогу, либо нет. Либо предполагаемая принцесса ответит, либо письмо канет в безвестность, как и сотни других, не долетевших до адресата.

Руки его тем временем работали сами по себе – чётко, автоматически, как заведённый механизм. На коленях лежал трофейный мушкет, разобранный до последнего винтика. Джек смазывал каждую деталь, проверял каждый узел, словно готовился не к путешествию, а к войне. Впрочем, кто знает, чем обернётся эта затея.

– Джек.

Голос отца заставил его вздрогнуть. Он и не заметил, как старик вышел на террасу и теперь стоял за спиной, глядя на его работу.

– Пап, ты чего не спишь?

– А ты чего не спишь? – вопросом на вопрос ответил старик. – Вторую ночь ворочаешься, скрипишь половицами. Я-то старый, мне мало надо, а ты молодой, тебе отдых нужен.

Джек усмехнулся, откладывая мушкет.

– Не могу, пап. Всё думаю о ней. О принцессе этой. Какая она? Где сейчас? Ждёт ли?

– Ждёт, – твёрдо сказал отец. Он подошёл к перилам и опёрся на них, глядя в сторону леса, где скрылся голубь. – Если письмо написала, значит, ждёт. А если ждёт, значит, ответит. Только не накручивай себя раньше времени. Всему свой срок.

– Я понимаю. – Джек потёр переносицу, прогоняя усталость. – Просто… это как в детстве, когда ждёшь праздника. Вроде знаешь, что он наступит, а время тянется невыносимо.

– Эх, молодость, – покачал головой старик. – Ладно, пойдём завтракать. Я там индейку приготовил, пока ты тут с ружьём возишься. Пицца уже слюной исходит.

Джек хотел отказаться, но живот предательски заурчал. Он и правда ничего не ел со вчерашнего утра.

– Я поем здесь. Не могу пропустить возвращение голубя, – ответил Джек.

Отец принёс на террасу поднос с горячим, ароматным обедом. Запах жареного мяса и травяного чая ударил в нос, и Джек понял,

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.